



Н. А. БЕРДЯЕВ

Нигилизм на религиозной почве *

Умер К. П. Победоносцев. С ним так много связано, срослась с ним целая эпоха русской истории, даже более чем эпоха: в его личности и в его деле ярко воплотилась связь православия с государственным абсолютизмом. Победоносцев — знаменательный тип: искренний идеолог нашего исторического нигилизма, нигилистического отношения русской официальной Церкви и государства к жизни. Победоносцев — мыслитель не глубокий и не индивидуальный, идеи его — сверхличны, слишком типичны, он разделяет их с теми историческими силами, которым служил, которые идеологически подпирал. Победоносцев вызывал к себе жгучую ненависть, он был надеждой темных сил, долгие, тяжкие годы был он кошмаром русской жизни. Но, когда читаешь его, ненависть слабеет: звучат у него такие искренние ноты, искреннее смирение перед высшим, любовь к народному, романтическая привязанность к старому быту. В России немного было идейных и искренних защитников теократического самодержавия, особенно среди тех, которые стояли у власти и направляли государственный механизм. Победоносцев был из числа этих немногих.

Какая основная черта Победоносцева, его «умопостигаемый характер»? *Неверие в силу добра*, неверие чудовищное, разделяемое русской официальной Церковью ** и русским государством. Сила Победоносцева, непостижимая власть этого человека над русской жизнью в том и коренилась, что он был отражением исторического русского неверия, исторического русского нигилизма сверху. Нигилистическое отношение к человечеству и миру

* Напечатано в «Веке» 6 мая 1907 г.

** Говорю все время не о вселенской Церкви, не о православии, хранящем Божественную святыню, а о национальной нашей Церкви в ее исторической эмпирике, в человеческой ее стороне.

на почве религиозного отношения к Богу — вот пафос Победоносцева общий с русской государственностью, заложенный в историческом православии. Победоносцев был религиозный человек, он молился своему Богу, спасал свою душу, но к жизни, к человечеству, к мировому процессу у него было безрелигиозное, атеистическое отношение, он не видел ничего божественного в жизни, никакого отблеска Божества в человеке: лишь страшная, зияющая бездна пустоты открывалась для него в мире, мир не был для него творением Божьим, он никогда не ощущал божественности мировой души. Этот призрачный, мертвенный старик жил под гипнозом силы зла, верил безгранично во вселенское могущество зла, верил в зло, а в Добро не верил. Добро считал бессильным, жалким в своей немогущности. Он — из числа загипнотизированных грехопадением, закрывшим бытие, отрезавшим от тайны Божьего творения. Дьявол правит миром, определяет ход вселенской жизни, проникает в человеческую природу до самых ее корней; добро, божественное не имеет объективной силы, на нем нельзя строить жизни, с силой добра нельзя связывать никаких исторических перспектив. Подобно Марксу смотрит Победоносцев на человеческое общество как на механику сил. Роковой процесс падения и разложения человечества, растущие силы зла могут быть остановлены лишь насильем, лишь злом же, лишь деспотической государственной властью, которую Церковь посылает в мир размораживать рост жизни, обуздать освобождение жизни. Победоносцев затаил в себе обиду на мировую жизнь и на человечество, он мнителен и подозрителен до психоза. Но этот нигилизм Победоносцева, эта атеистичность его отношения к миру не есть случай индивидуальный, связанный с личными событиями его жизни, это факт мировой, факт, заложенный в религиозном сознании исторического православия.

Историческое православие не раскрывает в себе религиозной правды о человечестве и мире, в нем религиозно лишь отношение к смерти, не к жизни. Православное христианство есть учение об индивидуальном спасении на небе, об уходе от мира, который весь заражен злом. В аскетическом сознании православия нет еще учения о смысле всемирной истории, о торжестве религиозной правды на земле. Православие не верит в царство Божие на земле, лишь на небе ждет его, землю оставляет дьяволу. Одно только хорошее дело можно и должно сделать на земле — задержать ход зла, остановить, обуздать силой, подморозить. И в православии есть учение о религиозном значении государства, которое Церковь уполномочивает не царство Божие на земле устроить, а обуздать царство дьявола, насильем удержать мир от оконча-

тельного распада. Соединение православия с государственным абсолютизмом произошло на почве неверия в божественность земли и земного будущего человечества; православие отдало землю в руки государства по неверию своему в человека и человечество, по нигилистичности своего отношения к миру. Православие не верит в религиозное устройство человеческой жизни на земле и корректирует свой безнадежный пессимизм призывом к насильственному устройению ее государственной властью*.

Государственный абсолютизм есть учение православия о том, как устроить землю, как задержать победный ход зла в мире. Русский абсолютизм называют теократическим, но очень неточно: освященный православием абсолютизм есть результат неверия православной Церкви в возможность теократии на земле, царства Бога и правды Божией на земле. Так как Божья правда не для земли, а для неба, то на земле пусть насильем удерживает человечество от зла государственная власть, — вот суть православного учения об абсолютной монархии.

Неверие в объективную силу добра на земле, в смысле мировой истории, в непосредственную мощь самого Бога в земной общественности, неверие это и есть основа государственного позитивизма, обоготворения государственной власти. Католичество также не верило в божественность человечества, в мощь божественного в земной человеческой истории и создало учение об устройстве земли при помощи папизма. Папоцезаризм и цезарепапизм, папа — заместитель Христа и византийский царь — заместитель Христа, одинаково выросли из безрелигиозного, атеистического отношения к земному человечеству, держатся на неверии в богочеловечество и богочеловечность исторических судеб, на неверии в то, что сам Христос будет царствовать на земле (хилиазм).

Это — два лжетеократических направления в мировой истории, одинаково противоположных истинной теократии, враждебных вере в царство самого Бога на земле. В истинной грядущей теократии Христос не может иметь заместителя, Сам будет править миром, правда Его будет властвовать; безбожное человечество, признанное достойным лишь насильственного обуздания, станет свободным богочеловечеством.

Нигилистическая сторона официального христианства ярко сказалась в Победоносцеве. И в теории и на практике он, быть

* Тут у меня верная в основе своей мысль не совсем верно и слишком преувеличено выражена. Один образ св. Сергия Радонежского вносит поправку в моей формулировке.

может, самый типичный выразитель идеи лжетеократического абсолютизма, русского цезарепапизма, православно-христианского неверия в возможность добра на земле. В Победоносцеве как бы завершается исторически роковой процесс потухания в христианстве веры в Промысел Божий, в Божье водительство судьбами человечества. Подозрительность и мнительность Победоносцева по отношению к миру и человеку не личные только, тут общее у него со всем историческим православием жизнеощущение, общее усмотрение лишь зла во всем. Для Победоносцева, как и для официального учения православной Церкви, все роковым образом идет к разложению, к торжеству зла; Победоносцеву, как и вообще православию и официальному христианству, чужда эсхатология, нет у него великих исторических задач, не остается места для исторических перспектив, нет смысла в процессе истории, не ждётся религиозное торжество в конце, победа Христа на земле. Победоносцев ненавидит жизнь, не видит божественного в мире, не ощущает образа Божьего в человеке и, страшно сказать: научился этому он у православия, из официального христианства почерпнул он нигилизм свой. Тут есть над чем призадуматься. Не думаю, чтобы у Победоносцева было живое ощущение Христа, он был бесконечно далек от Христа, сердце его не знало Христа; но ощущение христианства, близость к Церкви, сердечная привязанность к ее духу была у него огромная. Победоносцев — трагический тип, это один из тех, в которых христианство убило Христа, для которых Церковь закрыла Бога. Христос сделал Бога бесконечно близким человеку, усыновил человека Отцу Небесному; дух Победоносцева делает Бога бесконечно далеким человеку, превращает сына в раба. Посланный государством наблюдать за Церковью, направлявший долгие годы русское государство от имени Церкви, бюрократ в Церкви и теократ в государстве, могущественный человек, мечтавший о небе и попутно достигавший высшей власти на земле, — он был живой мертвец. В жилах его текла не кровь, а иная мертвящая жидкость, и не верил он, что у других людей течет кровь, не ценил крови человеческой. Тело Победоносцева было страшно своей мертвенностью, пергаментностью, и не верилось, что оно может воскреснуть, так чуждо было этому человеку воскресение.

Победоносцев — враг всякой окрыленности, всякого полета, всякой жизненной полноты, пригибает человека к ненавистой земле. Он поклонник простоты, боится сложности, проповедует смиренное довольство малыми делами. Победоносцев прежде всего за порядок всегда и во всем, боится иррационального и

проблематического, он в своем роде позитивист и утилитарист, верит лишь в безличные учреждения. Приниженность, ползучесть свойственны казенному христианству, освящаются нашей поместной Церковью, равно как осуждаются дерзание и мужество, порывы в даль и восхождение в высь.

Почему Победоносцев, скептик во всем, так верит в государство, в его добрую природу? Только государственная власть казалась Победоносцеву хорошей и доброй, единственной светлой точкой на земле, тут скепсис его прекращается. Это понятно. Всю задачу на земле Победоносцев видел лишь в том, чтобы остановить, пресечь, подморозить (по выражению гениального реакционера К. Леонтьева), творческих задач нет. Все гниет и разлагается на земле, а государство в верховном существе своей власти не подвержено этому процессу, он останавливает гниение и разложение. Для всего — неверие, для государства — вера. Эту веру в благость государственной власти, спасающей от зла мира, фанатики государственности принимали иррационально, в явном противоречии с светом разума и совести. Мы слишком знаем, что государство тоже подвержено гниению и разложению, что власть часто фатально делается злой и безбожной.

Победоносцев и Церковь в ее исторической ограниченности, и освященный ею абсолютизм как бы не хотят правды и радости на земле, видят в этом добре — зло, противное христианству, хотели бы истязать человека, чтобы спасти его душу. Это все та же теория и практика великого инквизитора, не верившего в человечество, спасавшего его с презрением и насильственно. Атеистический дух инквизитора движет Победоносцевым, он, подобно этому страшному старику, отвергает свободу совести, боится соблазна для малых сих, отстаивает религиозный утилитаризм. Не только Христос заслоняется Церковью, но и сама Церковь незаметно превращается для Победоносцева в средство для государственного устройства; по странной, но справедливой иронии судьбы, бюрократ и государственник в Церкви оказался в Победоносцеве сильнее теократа и небесного мечтателя в государстве. Повторяю, я не сомневаюсь, что Победоносцев лично был религиозный человек, что душа его питалась культом и таинствами православной Церкви, но для мира и человечества в нем ничего религиозного не было, одна пустота, заполненная призраком государственной власти. Победоносцев далек от славянофилов, так как не имел, подобно им, широких исторических перспектив, не разделял их земной религиозной утопии, ему был чужд всякий мессианизм. Победоносцев православнее славянофилов, лучше понимает, что по вопросу о земле, о чело-

вечестве, о мире, в православии — пустое место, что праведной общественности, святой телесности из православия не выведешь. Идеал православной святости — уход от мира, монашество, отшельничество, но так как идеала предельной святости дано достигнуть лишь немногим, то остается компромисс с миром, выражение его греховности и испорченности — государственность ничем не ограниченная, насилующая, как бы указывающая на невозможность религиозной общественности.

Для Победоносцева нет богочеловечества, как нет его для исторического православия, для него есть лишь бесчеловечный бог и безбожный человек, для него Христос не соединил человека с Богом. В Боге нет ничего человеческого, в человеке — ничего Божеского, богочеловеческого тела, включающего всю полноту жизни, нет и не будет на земле — все эти отрицания очень характерны для исторической Церкви, для старого религиозного сознания. Правда гуманизма развивалась в светской культуре вне религии и как бы против христианства, а ведь в последней глубине это правда Христова, правда Божественного Человека. Царство Божье грезится на земле людям внерелигиозного сознания и лишь новое религиозное откровение может осветить и религиозную правду этой грезы, и гибельную ее ложь. Претворить открывшуюся истину о божественном Человеке в нераскрывшуюся еще истину о божественном человечестве — вот вселенская религиозная задача, перед которой стоит современный мир и стучится.

То, чем жил Победоносцев, что любил, что идейно подпирал, теперь разрушается, распадается вся система, камня на камне не остается. И некоторым кажется, что умирает и разлагается все уже изжившая православная Церковь, что православное христианство перестает быть силой этого мира, так как оно было против этого мира. Уродливая истерика иеромонаха Иллиодора¹ и т. п., конечно, есть симптом разложения, *органического* в ней нет ничего. Но Церковь в ее святости не одолеют и врата ада. Смерть Победоносцева знаменательно совпадает лишь со смертью *нигилизма на религиозной почве*, со смертью духа смерти. Нигилизм этот не исчезнет окончательно. «Иллиодоры» останутся, периодически будут устраивать погромы культуры, но силой, определяющей ход истории, преобладающей, таинственный нигилизм этот не будет, уже не есть.

Новое религиозное сознание восстает против нигилистического отношения к миру и человечеству. Если возможно религиозное возрождение, то только на почве раскрытия религиозного смысла светской культуры и земного освобождения, раскрытия

правды о человечестве. Для нового религиозного сознания декларация воли Божьей есть вместе с тем декларация прав человека, раскрытие божественного в человечестве. Мы верим в объективную, космическую мощь правды Божьей, в возможность по-божески направить земную судьбу человечества. Это будет победой истинной теократии как над ложной демократией, — обоготворением количества человеческих волей, так и над ложной теократией, — все тем же обоготворением человеческой воли в цезарепапизме и папоцезаризме. Христос не может иметь человеческого заместителя в лице царя или первосвященника, Он — Сам Царь и Первосвященник и будет царствовать в мире. «Да придет *Царствие Твое*, да будет воля Твоя и *на земле*, как на небе».

